

Александр Топал

ДОМ, КОТОРЫЙ ПОМНИТ ВСЁ

РОМАН

Александр Топал

Дом, который помнит всё.

<https://litres.ru/74519248>

SelfPub; 2026

Аннотация

После переезда в старый дом на окраине станицы Саша замечает странности, которым трудно найти рациональное объяснение: таинственный стук из стены, необъяснимые звуки,

следы чужой памяти и старый дневник, найденный на чердаке. Постепенно обычная семейная жизнь — Настя, маленькая Евочка,

кот Гатто, заботы и ремонт — оказывается связана с историей, случившейся здесь много десятилетий назад.

Следуя подсказкам дома и дневника, Саша узнаёт о девушке, чья судьба была скрыта слишком долго. В поисках правды он выходит на людей, которые знали её и пытались забыть прошлое. Но ему предстоит понять главное: он не Судья и не Мститель. Его задача — услышать, назвать имя и не позволить чужой жизни исчезнуть бесследно.

«Дом, который помнит всё» — мистический триллер о памяти, вине, правде и о том, что иногда прошлое возвращается лишь для того, чтобы наконец обрести покой.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Александр Топал

Дом, который помнит всё.

Глава

ГЛАВА 1

ДОЧЕНЬКА

Когда у нас родилась доченька, оказалось, что мы ждали её гораздо сильнее, чем сами это понимали.

В то время мы жили вместе с родителями Насти в небольшом доме на окраине города. Места хватало всем, хотя просторным его не назовёшь. Мы старались не мешать друг другу, уступали ванную, говорили тише, когда кто-то отдыхал, и постепенно научились той особой семейной дипломатии, без которой несколько взрослых людей под одной крышей долго не выдерживают.

Но после рождения ребёнка всё изменилось. Родители Насти впервые стали бабушкой и дедушкой и, кажется, приняли это звание серьёзнее любой государственной должности.

Когда мы привезли Настю с малышкой из роддома, дом будто сразу стал другим. Даже воздух в нём изменился. Евочка — так мы называли дочь — лежала на руках совершенно спокойно и смотрела вокруг огромными голубыми серьёзными глазами. У неё было такое выражение лица, словно это

не мы привезли её домой, а она наконец прибыла туда, куда собиралась с самого начала.

Иногда я шутил, что перед рождением детям, наверное, дают возможность выбрать семью. И если это действительно так, то Евочка где-то там, наверху, посмотрела на нас и решила:

— Вот к этим.

Почему — не знаю. Наверное, рискнула.

Настя после родов была ещё слабой, поэтому первое время её родители почти полностью взяли на себя домашние заботы. Её мама помогала с ребёнком, отец мог по десять минут стоять возле кровати и просто смотреть, как внучка спит.

Иногда Евочка открывала глаза.

— Проснулась, — немедленно сообщал дед, будто это было событие государственного значения.

— Я вижу, — отвечала бабушка.

— Нет, ты посмотри, как смотрит.

— Ребёнок смотрит глазами. Это нормально.

— Не скажи. Она всё понимает.

Евочке в тот момент было недели три, но дед уже не сомневался в её исключительных интеллектуальных способностях. И хорошо, что это так.

Наша история могла бы остаться одной из миллионов подобных семейных историй: рождение ребёнка, бессонные ночи, пелёнки, радость родственников, первые улыбки. Если

бы не одно обстоятельство.

За сорок дней до рождения Евочки умерла Настина бабушка Валя. Именно сорок. Тогда я не придавал этому никакого значения. Человек уходит. Другой приходит. Жизнь вообще любит такие совпадения, а если начать искать в каждом из них скрытый смысл, очень быстро можно обнаружить знаки даже в номерах автобусных билетов. По крайней мере, тогда я рассуждал именно так.

Бабушка Валя жила в станице, в большом старом доме. После её смерти там остался дед. Возраст уже брал своё. Ему становилось тяжело ухаживать не только за домом, садом и двором — иногда трудно было справляться даже с обычными повседневными делами.

Когда Евочке исполнилось четыре месяца, семья приняла решение: деда забрали к родственникам, а нам предложили переехать в станицу. В тот самый дом.

Я бывал там и раньше, но теперь впервые посмотрел на него не как гость, а как человек, которому предстояло здесь просыпаться по утрам, укладывать ребёнка спать, ругаться из-за бытовых мелочей, мириться, встречать праздники и, возможно, прожить не один год.

Дом стоял уже больше полувека. За это время его перестраивали, латали, утепляли, обкладывали кирпичом. Старую крышу заменили новой. Где-то деревянные рамы уступили место пластиковым окнам. Провели газ, воду, устроили санузел. Со стороны — обычный добротный сельский дом.

Заходи и живи.

Но внутри его стен всё ещё оставался саман. Странный материал. Глина, земля и солома, перемешанные человеческими руками и высушенные южным солнцем. Такие стены не звенели, как кирпич, и не отдавали холодом камня. Они будто поглощали всё, что происходило внутри дома: голоса, шаги, запах печного дыма, детский плач, семейные ссоры, смех, молитвы и долгие ночные разговоры.

Саман умел стареть незаметно. Снаружи его можно было закрыть кирпичом, штукатуркой, обоями — и забыть, что он вообще существует. Но стоило где-нибудь снять кусок старой отделки, и под ней снова появлялась та же земля, та же солома, те же тёмные неровные стены, которые были здесь задолго до нас. Иногда мне казалось, что они теряют только внешнюю прочность, а всё услышанное однажды остаётся внутри. Тогда я ещё улыбался подобным мыслям.

День переезда выдался тёплым. На Кавказе осень умеет долго притворяться летом, и солнце лежало на крыше почти по-июльски. Во дворе пахло сухой травой, нагретой землёй и яблоками, опавшими под старым деревом возле забора.

Мы приехали двумя машинами. В одной — вещи, детская кроватка, сумки, коробки и всё то бесчисленное хозяйство, которое появляется вместе с младенцем. Во второй — мы сами.

Настя занесла Евочку в дом первой. Я шёл следом с сумками и слышал, как жена сказала:

— Ну вот, доченька. Теперь это наш дом. Пока временно, а там как Бог даст.

Евочка посмотрела куда-то мимо неё, в глубину коридора, и вдруг улыбнулась. Не Насте. Не мне. Кому-то или чему-то там, где никого не было.

— Чего это она? — спросил я.

Настя тоже посмотрела в коридор.

— Не знаю. Наверное, свет увидела.

В конце коридора действительно было окно. Солнце пробивалось через занавеску и оставляло на полу длинный светлый прямоугольник. Я согласился. Конечно, свет. Что же ещё?

Первые часы прошли в обычной суете. Мы таскали коробки, спорили, куда поставить кроватку, искали чайник, который почему-то оказался вместе с зимними вещами, и пытались вспомнить, в какой сумке лежат детские бутылочки. Дом постепенно принимал нас.

К вечеру всё самое необходимое было разобрано. Настя уложила Евочку в маленькую кроватку рядом со своей. Я выбрал себе отдельную комнату — благо места было достаточно. Я вышел во двор и впервые за весь день позволил себе просто постоять.

Станица затихала рано. За соседними заборами лаяли собаки, где-то рядом за забором проехала машина, потом всё снова стихло. Над крышами висело чистое тёмное небо. Из открытого окна нашей комнаты падал мягкий жёлтый свет.

Я подумал, что, возможно, нам здесь будет хорошо. Не богато. Не роскошно. Но спокойно. Семья рядом. Ребёнок здоров. Крыша над головой есть. Для счастья человеку иногда нужно удивительно мало.

Я уже собирался возвращаться в дом, когда изнутри донёсся короткий звук.

Тук.

Я остановился. Через секунду ещё один.

Тук.

Потом третий.

Тук.

Звук был глухой, негромкий — словно кто-то трижды постучал костяшками пальцев по стене. Я прислушался. Тишина.

Дом старый, подумал я. Дерево, трубы, стены остывают после жаркого дня. В старых домах всегда что-нибудь скрипит, щёлкает, оседает.

Я вошёл внутрь.

— Ты что-то стучала? — спросил я Настю.

Она сидела возле кровати.

— Нет. А что?

— Ничего. Показалось.

Евочка не спала. Она лежала тихо и смотрела в сторону стены. Туда, откуда, как мне показалось, донёсся звук.

Я подошёл, наклонился над кроватью.

— Ну что ты там увидела?

Дочь медленно перевела глаза на меня и снова улыбнулась. На этот раз мне. Наверное.

Мы переехали и стали жить в этом доме. Тогда мы ещё не знали одной его особенности.

Старый дом ничего не забывал.

ГЛАВА 2

ДНЕВНИК

Первые несколько дней в новом доме прошли относительно спокойно. Мы разбирали коробки, привыкали к комнатам, переставляли мебель, а Настя понемногу осваивалась с Евочкой уже без постоянной помощи родителей. Тёща приезжала, когда могла, привозила еду или какие-нибудь детские вещи, но частыми эти приезды назвать было нельзя. У них хватало своих забот: дед был уже тяжело болен, и большую часть времени они с тестем проводили возле него. Примерно через полгода он умер у них дома. Поэтому довольно быстро стало понятно: рассчитывать в хозяйстве мне в основном придётся на самого себя.

Я не возражал. В доме всегда находилась работа, а свободных рук с младенцем не бывает. К тому же старое жильё очень быстро начало показывать характер. Сначала по мелочам: где-то плохо закрывалась дверь, где-то капал кран, одна розетка держалась в стене, кажется, исключительно из уважения к возрасту. Я записывал всё это в уме и каждый вечер обещал себе, что завтра займусь ремонтом.

Завтра, как известно, обладает удивительной способно-

стью отодвигаться ещё на сутки.

Но с электричеством откладывать не получилось.

Нагрузка на сеть теперь была совсем не той, что при прежних хозяевах. Мы привезли электрочайник, микроволновку, два компьютера, зарядные устройства, телевизор, который по иронии судьбы почти никогда не смотрели, и ещё десяток мелких приборов, без которых современный человек сначала прекрасно жил столетиями, а теперь не может прожить и дня.

Первый тревожный сигнал появился вечером, когда Настя включила чайник, а я — компьютер. Лампочка под потолком моргнула. Потом ещё раз. Компьютер перезагрузился, а из кухни донеслось:

— Это ты что-то сделал?

— Я сижу.

— Тогда почему свет моргает?

— Дом радуется нашему приезду.

— Очень смешно.

Через два дня выбило автомат. Потом ещё раз. Напряжение то проседало, то возвращалось, лампы становились тусклее, потом неожиданно вспыхивали ярче. Мне это перестало нравиться. Одно дело — старый кран или скрипучая дверь. Электричество шуток не любит.

Я решил посмотреть, что происходит с проводкой.

На чердак вела узкая высокая металлическая лестница с улицы. Дверь открывалась с усилием. Когда я толкнул её пле-

чом, сверху посыпалась сухая пыль, и я сразу пожалел, что не надел старую одежду. Воздух там стоял совершенно другой — горячий, сухой, с запахом древесины, старой штукатурки и мышинной жизни, которую мыши, судя по всему, вели здесь без регистрации и коммунальных платежей.

Я поднял голову и посветил фонариком.

Первое желание было немедленно спуститься обратно и вызвать профессионального электрика.

Второе — предварительно вызвать пожарных, чтобы они просто постояли рядом.

Провода лежали поверх балок как попало. Некоторые были закреплены скрутками, другие просто провисали. В одном месте алюминиевый провод соединялся с медным так, будто два металла, которые крайне не любят прямого соседства, кто-то решил помирить с помощью изоленты. Изолен-та, вероятно, была старше меня как домовладельца и уже почти перестала выполнять даже декоративную функцию.

Я сидел на балке и светил фонариком на это хозяйство, испытывая сложную смесь ужаса и профессионального любопытства.

Дед был уже очень стар и последние годы нанимал для мелкого ремонта местных умельцев. Слово «электрик» в ста-нице иногда означало не столько профессию, сколько чело-века, который однажды видел отвёртку и соглашался рабо-тать за бутылку водки. Возможно, я преувеличиваю. Но, гля-дя на соединения над собственной головой, трудно было со-

хранять уважение к неизвестным мастерам прошлого.

Я спустился вниз.

— Ну? — спросила Настя.

— У меня две новости.

— Начинай с хорошей.

— Мы ещё не сгорели.

Она посмотрела на меня.

— А плохая?

— Это и была хорошая.

Настя сразу перестала улыбаться.

В тот же вечер я составил список: кабель, автоматы, распределительные коробки, клеммы, крепёж, гофра и ещё столько всего, что сумма внизу листа выглядела как начало семейного кризиса.

Список увидела тёща.

— Сколько?

Я назвал сумму.

Она помолчала.

— Покупай.

— Мы сами...

— Покупай. Там ребёнок живёт.

Спорить с этим аргументом было бессмысленно. Так тёща стала незримым, но весьма ощутимым спонсором нашей электрификации. Я пытался вернуть часть денег, она отказалась и сказала, что я могу считать это вкладом в безопасность внучки.

С семейными ценностями иногда всё проще, чем с банковскими: если речь идёт о ребёнке, проценты никто не считает.

Была ещё одна сложность: я работал по графику сутки через сутки. Сутки на работе — сутки дома. Поэтому ремонт шёл не так быстро, как хотелось. После дежурства я возвращался, переодевался и снова лез то к проводке, то к крану, то во двор. Дом, казалось, заранее составил для меня список занятий на несколько месяцев вперёд.

Для Насти этот график означал другое. Каждые вторые сутки она оставалась в старом доме одна с совсем маленькой Евочкой. Днём всё выглядело терпимо, но ночью любой звук становился громче. Мыши устраивали перебежки под полом и в стенах, доски поскрипывали сами по себе, иногда где-то глухо постукивало. Я мог сколько угодно объяснять это возрастом дома, деревом, перепадами температуры и мышьиной жизнью, но рациональные объяснения хуже всего работают в два часа ночи, когда рядом спит младенец.

Я понимал её тревогу. Молодой женщине, недавно родившей ребёнка, и без старого дома хватает причин просыпаться от каждого шороха. Поэтому мне особенно хотелось поскорее привести жильё в порядок — хотя бы убрать те опасности, которые действительно можно было убрать руками.

С учётом моего графика работа растянулась почти на неделю. В свободные сутки я менял старые участки проводки, разводил линии, приводил в порядок соединения, ста-

вил новые коробки. Каждый раз спускался с чердака серый от пыли, уставший и всё более злой на безымянных мастеров, чьи технические решения приходилось разбирать одно за другим.

Раздражение постепенно проходило само. Дом ведь не был виноват в том, что старел. И дед не был виноват в том, что становился слабее и зависел от чужих рук. У каждой старой вещи наступает время, когда она начинает требовать от следующего человека больше заботы, чем от предыдущего. Наверное, с домами всё происходит так же, как с людьми.

К концу недели я уже знал чердак почти на ощупь. Знал, где нужно пригнуть голову, какая доска скрипит, куда лучше не ставить ногу и в каком месте через щель особенно красиво пробивается вечерний свет. Поэтому найденная позже папка удивила меня ещё сильнее: я несколько дней проходил рядом и ни разу её не замечал.

Настя встречала меня обычно одним вопросом:

— Живой?

— Пока да.

— Током не било?

— Сегодня только морально.

Она смеялась. Евочка, услышав голос матери, начинала улыбаться, и вся усталость куда-то уходила.

В те дни я особенно остро почувствовал одну простую вещь: дом сам по себе ничего не значит. Можно иметь дорогие стены, новую мебель, красивую технику — и всё равно

жить в пустом помещении. Дом начинается там, где кто-то ждёт тебя за дверью.

Наверное, именно поэтому я так старался привести старое жильё в порядок. Не ради кирпича и не ради самана. Ради Насти. Ради Евочки. Ради ощущения, что это место хотя бы на время стало нашим.

Когда последняя линия была закончена, я включил одновременно чайник, микроволновку и компьютер. Лампа под потолком даже не моргнула.

— Победа, — объявил я.

— Над кем?

— Над электриками прошлого.

— А они знают, что проиграли?

— Думаю, некоторые уже нет.

Настя посмотрела на меня и улыбнулась.

Оставалось убрать после себя чердак.

Я отложил это до следующего утра.

* * *

На чердак я поднялся после завтрака. Взял два больших мешка: один для мусора, второй для того, что ещё могло пригодиться. За несколько дней работы там накопились обрезки кабеля, куски старой изоляции, пустые коробки, сломанные крепления и множество вещей, назначение которых не смог бы объяснить даже человек, когда-то их туда положивший.

Солнце уже нагрело крышу. Под шифером становилось душно, хотя на улице утро было ещё прохладным. Через ма-

ленькое слуховое окно пробивался узкий луч света, и в нём медленно плавала пыль.

Я работал без спешки. Старые вещи вообще почему-то заставляют двигаться медленнее. Берёшь в руки ржавый дверной крючок, ненужную банку с гвоздями или обломок детской игрушки и невольно думаешь: кто этим пользовался? Зачем сохранил? Почему вещь, давно утратившая смысл, пережила человека, который когда-то считал её нужной?

Возле дальней стены лежали несколько досок. Я отодвинул их, собираясь проверить, нет ли под ними проводов, и увидел старую картонную папку.

Сначала не обратил внимания. Папка была присыпана пылью так же густо, как всё вокруг, и выглядела частью чердака — такой же ненужной и забытой. Я подхватил её двумя пальцами и уже собирался отправить в мешок с мусором.

Что-то внутри сдвинулось.

Не тяжёлое.

Бумага.

Я открыл папку.

Внутри лежала тетрадь.

Обычная школьная, когда-то, вероятно, синяя или зелёная. Теперь цвет определить было трудно. Обложка выцвела, края размокали и снова высыхали столько раз, что стали мягкими, почти войлочными. На сгибе проступила ткань. Несколько листов держались только благодаря чуду и привычке оставаться на месте.

Я осторожно взял тетрадь.

Она буквально разваливалась в руках.

На обложке ничего нельзя было прочитать. Возможно, когда-то там было имя, но чернила исчезли. Я поднёс тетрадь ближе к свету. На первой странице проступали строки, написанные синими чернилами от руки.

Почерк был мужской — по крайней мере, мне так показалось. Крупный, немного угловатый. Некоторые буквы выцвели, другие расплылись, но первая фраза сохранилась удивительно хорошо.

«Я начал записывать происходящее, потому что мне перестали верить».

Я перечитал.

Фраза была хорошая.

Настолько хорошая, что первой мыслью стало: кто-то в этом доме очень любил драматические вступления.

Я не стал читать дальше сразу. Снизу донёсся голос Насти:

— Ты там надолго?

— Уже спускаюсь.

— Мама приехала.

Это было веской причиной. Если тёща приезжала с пакетами, значит, через пять минут на столе появится еда, а ещё через десять выяснится, что мы питаемся неправильно, ребёнку одеваем слишком легко или слишком тепло и вообще без её участия непонятно, как человечество дожило до наших дней.

Я осторожно положил тетрадь обратно в папку и спустился.

На кухне действительно стояли пакеты. Евочка лежала в переносной люльке и следила глазами за взрослыми. Настя резала хлеб, тёща раскладывала по тарелкам то, что привезла, и одновременно успевала задавать мне вопросы о проводке.

— Всё сделал?

— Почти. Осталось мусор убрать.

— Теперь безопасно?

— Теперь я хотя бы могу спать и не представлять, как проводка ночью решает устроить нам фейерверк.

— Не говори так при ребёнке.

Я посмотрел на Евочку.

— Она пока не разбирается в электрике.

— Ты думаешь.

Тёща сказала это совершенно серьёзно, и я вспомнил деда, который был уверен, что трёхнедельная внучка понимает происходящее лучше половины взрослых. Видимо, вера в особые способности первого ребёнка в семье передаётся вместе со званием бабушки и дедушки.

Я положил папку на край стола.

— Кстати, вот что нашёл.

Настя сразу потянулась к ней.

— На чердаке?

— Да. Только осторожно. Она рассыпается.

Я достал тетрадь. Тёща вытерла руки полотенцем и подошла ближе. Несколько секунд рассматривала обложку, потом аккуратно приподняла первый лист.

— Мамина? — спросила Настя.

Тёща покачала головой.

— Нет. У мамы почерк был другой. И она никогда не вела дневники. По крайней мере, я не видела.

— А дед?

— Тоже нет. Он записывал только расходы, кому сколько должен и когда что посадил. Его дневник выглядел бы примерно так: «Картошка — два ведра. Бензин — десять литров. Соседу не давать инструмент».

Я засмеялся.

— Последнее почему?

— Потому что сосед никогда не возвращал.

Настя осторожно перелистнула пару страниц.

— Старое совсем.

— Там дата семидесятых, кажется. Последняя цифра не читается.

Тёща нахмурилась.

— Тогда это могло лежать здесь ещё до того, как я стала обращать внимание на такие вещи. На чердаке всегда было полно старья. Что-то выбрасывали, что-то складывали обратно. В таких домах вещи исчезают не потому, что их выкинули, а потому что сверху положили другие вещи.

Это объяснение мне понравилось. Оно звучало очень по-

семейному и очень правдоподобно. Я представил, как тетрадь десятилетиями перемещалась из одной коробки в другую, пока наконец не оказалась за досками. Никакой тайны. Просто человеческая привычка ничего не выбрасывать окончательно.

— А что там? — спросила Настя.

— Пока не знаю. Первая фраза красивая. «Я начал записывать происходящее, потому что мне перестали верить».

Настя подняла глаза.

— Уже интересно.

— Уже подозрительно, — сказала тёща. — Нормальный человек пишет: «Сегодня дождь».

— Возможно, дождь был дальше.

— Только не читай ночью, — сказала она.

Я посмотрел на неё.

— Почему?

Она пожала плечами.

— Потому что потом будешь ходить и слушать каждый шорох.

— Ты же не веришь в такое.

— Я много во что не верю. Но ночью всё равно лучше спать.

Настя улыбнулась.

— Мама, ты его сейчас специально заинтересовала.

Это была правда. До этой минуты тетрадь казалась мне любопытной находкой. После слов «только не читай ночью»

она превратилась почти в приглашение.

Но тогда читать всё равно не получилось. Евочка проснулась, Насте понадобилась помощь, потом мы обедали, потом тёща решила проверить, достаточно ли тепло в детской комнате. К тетради я вернулся только через пару часов.

За это время она лежала на высоком шкафу в кухне, подалше от ребёнка и от случайно пролитого чая. Несколько раз я проходил мимо и ловил себя на желании достать её.

Странно, как быстро старая вещь может занять место в мыслях. Утром я ещё не знал о её существовании. К обеду уже хотел узнать, кто её написал и почему ему перестали верить.

Наконец Настя уложила Евочку спать. Тёща уехала. Я взял тетрадь, старую мягкую кисточку, которой смахивал пыль с техники, и вернулся на чердак.

— Почему туда? — спросила Настя.

— Мусор всё равно не убран. Заодно почитаю.

— Мама сказала ночью не читать.

— Сейчас день.

— Ты всегда находишь лазейки.

— Поэтому и жив до сих пор.

Она покачала головой.

— Только не провались через потолок.

— Очень романтично.

— У нас ребёнок. Романтика теперь должна быть практичной.

Я поднялся наверх, улыбаясь.

Чердак за время моего отсутствия, конечно, не изменился. Тот же жаркий воздух, та же пыль в солнечном луче, те же доски и старые балки. Только теперь на них лежала тетрадь, которая почему-то делала знакомое место немного другим.

Я присел ближе к слуховому окну и перевернул страницу. Дата сохранилась частично.

«... июня 197...»

Последняя цифра расплылась.

Дальше шёл обычный текст. Настолько обычный, что я даже немного разочаровался.

Автор писал о жаре. О том, что утром чинил калитку. Что соседская корова опять зашла в огород. Что жена просила принести воду. Что в саду плохо уродились абрикосы. Несколько строк были посвящены какому-то Ивану, который обещал приехать помочь с крышей и не приехал.

Я пролистал дальше.

Та же жизнь.

Погода. Урожай. Деньги. Соседи. Кто-то заболел. Кто-то приехал. Купили новую кровать. Потекла крыша. В доме появились мыши.

Мне стало немного стыдно за собственное ожидание. Я словно надеялся, что человек пятьдесят лет назад жил исключительно ради того, чтобы однажды развлечь меня тайной.

Первые страницы я прочитал почти полностью. Почерк

временами менялся: где-то буквы были спокойными и ровными, где-то строчки бежали вниз, будто человек писал на коленях или торопился. По тексту трудно было понять, сколько лет автору. Он упоминал жену, хозяйство, работу, соседей, значит, ребёнком точно не был. Имени жены почти не встречалось — чаще просто «она». Иногда мелькало «дочка», но без имени.

Эта безымянность почему-то делала записи живее. Я видел не исторических персонажей, а обычную семью, похожую на тысячи других. Утром кто-то опаздывал, вечером спорили из-за денег, ребёнок болел, потом выздоравливал, в саду ломалась ветка, сосед просил лестницу и не возвращал вовремя.

В одной записи автор раздражённо жаловался, что жена снова переставила его инструменты и теперь он не может найти молоток. На следующей странице признавался, что молоток всё это время лежал там, где оставил его он сам.

Я улыбнулся.

Прошло полвека, а семейная жизнь технологически изменилась меньше, чем хотелось бы думать.

Ещё одна запись заставила задержаться:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.